DOI: 10.19195/0137-1150.167.28

ALLA GROMOVA

Московский городской педагогический университет, Rosja

Тема смерти в творчестве Леонида Зурова

Тема смерти является сквозной в творчестве писателя-младоземigrанта Леонида Зурова, что обусловлено не столько фактами личной биографии (он в раннем детстве лишился матери и бабушки, покончивших самоубийством), сколько историческими событиями, свидетелем которых ему довелось быть. Двенадцатилетним мальчиком Зуров наблюдал начало Первой мировой войны, а в шестнадцать лет стал участником белого движения, в ноябре 1918 года записавшись вместе с отцом в отряд Северной (будущей Северо-Западной) армии. Он участвовал в боевых действиях под Петроградом, был дважды ранен и контужен, затем вместе с отступающими воинскими частями оказался в Эстонии. После расформирования армии он работал санитаром в Нарве во время тифозной эпидемии, там потерял отца и сам переболел тифом. В 1920 году Зуров переехал в Ригу, где началась его литературная деятельность, а в 1929 году он перебрался во Францию по приглашению Ивана Бунина, заметившего талант начинающего писателя¹.

Цель настоящей статьи — показать аспекты интерпретации темы смерти в творчестве Зурова и ее связь с мировоззрением писателя, с создаваемой им моделью мира. Для анализа привлекаются все крупные произведения автора: повести *Кадет* (1928) и *Иван-да-марья* (опубл. 2005), романы *Древний путь* (1934) и *Поле* (1938), а также рассказы разных лет, в которых смерть является центральным мотивом.

Тема смерти в творчестве Зурова возникает, главным образом, в связи с изображением войн. Гражданской войне в России посвящены повесть *Кадет*, романы *Древний путь* и *Поле*, рассказы *Этап в Нарве* (1926), *Выручка* (1927), *Последний поход* (1927), *Город* (1928), *Конец Дмитрия Соломина*

¹ См.: И. Белобровцева, „Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти”, [в:] Л. Зуров, *Иван-да-марья*, Санкт-Петербург 2015, с. 5–30.

(1929), *Петроград* (1931), *Вышгородок* (1931) и др. Большинство этих произведений создавалось с опорой на личные впечатления или документальные материалы, полученные от других участников военных действий. Однако этим тематический диапазон творчества писателя не исчерпывается. У него есть ряд произведений, посвященных Первой мировой войне (повесть *Иван-да-марья*, рассказы *Дагмарский лес* (опубл. 2015), *Полынь* (1933), *Встреча* (1946), *Ванюшины волосы* (1948) и др.), а также истории Древней Руси (повесть *Отчина* (1928), рассказывающая о военных событиях XVI века).

Во всех перечисленных произведениях показан трагизм войны, соседствующий с изображением героизма ее участников, но доминирует, как правило, гуманистическое представление о неоправданности жертв: ведь в ходе войн и других социальных столкновений (революций, бунтов) гибнут не только солдаты, но и мирные люди: женщины, подростки, старики; заложницей людских конфликтов становится природа (растения, животные). Войны показаны как причина всеобщего разорения и нарушения от века установленного миропорядка. Зурову было присуще религиозное миросозерцание, тесно связанное с его интересом к истории Древней Руси, особенно русского Северо-Запада (малой родиной писателя был город Остров Псковской губернии, а повесть *Отчина* посвящена истории Псково-Печерского монастыря, который писатель неоднократно посещал и даже участвовал в реставрации одной из церквей обители). Православный взгляд на мир дополнялся у Зурова характерным для культуры Серебряного века космизмом². Благодаря художественной философии писателя, в которой мир предстает как гармоничное и целесообразное единство всего сущего, снимается трагизм в раскрытии темы смерти.

В своей первой повести *Кадет* Зуров изобразил судьбу юноши Мити Соломина, принявшего участие в Ярославском белогвардейском восстании 1918 года. Критики эмиграции Георгий Адамович, Юлий Айхенвальд, Александр Амфитеатров, Владимир Ладыженский, Петр Пильский высоко оценили произведение начинающего писателя и отметили новый подход к изображению Гражданской войны: героями Зурова стали совсем юные люди. Ладыженский назвал свою рецензию на повесть Зурова *Дети в революции*³ (1929), а Айхенвальд писал: „Наша революция среди многого другого осуществила и крестовый поход детей — физически и морально гибли дети, и юноши, и девушки”⁴. Трагичны гибель гимназистки Ани Шатиловой, расстрелянной вместе с отцом-генералом, самоубийство раненого пулеметчика Коли Лагина, также как смерть в бою полковника Либединского

² О специфике нового художественного метода, сформировавшегося в литературе эмиграции, см.: А. Любомудров, *Духовный реализм в литературе русского зарубежья*: Б. К. Заичев, И. С. Шмелев, Санкт-Петербург 2003.

³ В. Ладыженский, *Дети в революции* (По поводу книги „Кадет” Л. Зурова), „Слово” 1929, № 1015, с. 8.

⁴ Ю. Айхенвальд, *Литературные заметки*, „Руль” 1928, № 2394, с. 2.

и фельдфебеля Архипа Семеновича, научивших кадетов бесстрашию. Митя Соломин постоянно находится на краю гибели: его выбрасывают из поезда красноармейцы, он участвует в боях, в которых погибают его товарищи, в Риге он вместе с братом Степой Субботиным попадает под арест и каждый день ожидает расстрела. Однако судьба хранит его, благодаря молитве матери и его собственным молитвам: таким образом Зуров утверждает существование высшей справедливости и веру в целесообразность бытия. Айхенвальд писал об авторе повести *Кадет*: „Ужасное изображает он, но так это переплетено с трогательным и нежным, и грустным, что не мрак идет от его очерков на душу читателя, а какое-то тихое волнение, недоумение, «светлая печаль», лучи примирения”⁵. Большую роль в реализации авторской идеи играет лиризм, лейтмотивное построение произведения и поэтизация устойчивых начал жизненного уклада, о чем пишут современные исследователи повести Виктория Захарова⁶, Людмила Спроге⁷ и Беата Вегнерска⁸.

В романах *Древний путь* и *Поле*, составивших своеобразную дилогию о конце Первой мировой и начале Гражданской войны на Псковщине, тема смерти также связана с социальными катаклизмами⁹. Солдаты гибнут на войне, крестьяне готовы убивать помещиков, красноармейцы — „кулаков”, захватившие Псков немцы — местных жителей, неудачливый кавалер — свою возлюбленную и соперника. Красные пограничники проявляют неоправданную жестокость по отношению к зажиточному крестьянину Ермолаю, который приехал на свадьбу крестника из нейтральной полосы: ранят его и его жену, потом жестоко избивают раненого.

По мысли Зурова, всенародная катастрофа началась с войны, разразившейся в 1914 году. В романе *Поле* отправка солдат на фронт изображена как похороны:

...Кладбищенский слышен был в лагере плач — прерывающееся и падающее причитание, и, заломив шапки, пьяные, с налитыми кровью глазами новобранцы гуляли, обнявшись, с приколотыми к фуражкам бумажными розами, словно вынутыми из дешевого кладбищенского венка [...] судя по их лицам, по их голосам — их брали не на войну, а на смерть, и беспощадно было для них летнее солнце, [...] и матери оплакивали их при жизни...¹⁰

⁵ Там же.

⁶ А. Громова, В. Захарова, *Жизнь и творчество Л. Ф. Зурова*, Москва 2012, с. 61–77.

⁷ Л. Спроге, *Леонид Зуров. Повесть „Кадет”: вариант финала*, [http://www.esamizdat.it/rivista/2014-2015/pdf/sproge_eS_2014-2015_\(X\).pdf](http://www.esamizdat.it/rivista/2014-2015/pdf/sproge_eS_2014-2015_(X).pdf) [дата обращения: 2.09.2017].

⁸ См.: В. Wegnerska, *Лиризм в повести Л. Ф. Зурова „Кадет”*, „Polilog. Studia Neofilologica” 2015, № 5, с. 149–156.

⁹ См. например: P. Witczak, *Odchodząca Rosja w powieści „Dawna podróż” Leonida Zurowa*, „Acta Neophilologica” 2017, XIX (1), с. 227–237.

¹⁰ Л. Зуров, *Поле*, Франкфурт 1983, с. 12.

Ощущение распада национальной жизни передано при помощи введения эсхатологических мотивов. В традициях народной эсхатологии описан в романе *Древний путь* приход немцев: враги „в круглых железных шапках”¹¹, пахнут „железом и потом”¹², курят табак, над городом летает аэроплан с крестами. Мотив нашествия иноземцев является одним из широко распространенных в крестьянской эсхатологии и восходит к Апокалипсису, в котором перед Вторым пришествием Сатана собирает на битву с праведными „народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога” (Откр. 20:7). Эсхатологические мотивы пронизывают и роман *Поле*. В картину грядущего конца встраивается и образ заброшенной нивы, которую некому будет убирать, и книга пророка Ездры, которую читает один из персонажей, и „басни” старой бабки: „Вот еще и дед говорил — горе будет... война будет, по всем землям пройдет, побежат люди в болота, леса, а и в болотах спасения нет... будут поля занавешены железными сетями, а земля скопана, не в городах будут воевать, а в деревнях”¹³.

В прозе Зурова неоднократно возникает образ солдат, лежащих на поле боя, но посмертная судьба погибших трактуется по-разному. В повести *Иван-да-марья* солдаты сравниваются с колосьями ржи: „Пехоту вели во весь рост, и немцы косили ее из пулеметов, как спелую рожь”¹⁴. Это сравнение отсылает к евангельской притче о зерне, метафорически повествующей о крестной смерти Христа и заключающей в себе идею самопожертвования. Сходно изображаются в романе *Поле* воины, которые погибли, защищая свою родину. Совсем иначе говорится об участии красноармейцев — бывших крестьян, польстившихся на сытые хлеба. Они обречены на безобразную кончину, которая описана нарочито натуралистично, как будто подчеркивая невозможность будущего воскресения для людей, лишенных духовного начала: они будут умирать

в крови и слезах, от страданий настигнувшей смерти, не зная, за что пробит осколком снаряда живот, и дурно пахнущие внутренности волокутся за ними по пыльной дороге, не зная, за что их белые деревенские тела будут разлагаться под солнцем на поле смерти¹⁵.

Зуров показывает трагедию войны и революции как трагедию всеобщего разоренья для всех социальных слоев; более того, это нарушение изначального порядка жизни всех существ, населяющих землю — людей и животных, насекомых и растений. У ушедших на войну крестьян осыпаются неубранные нивы, у пасечника Емельяна красноармейцы разорили ульи, у бабушки Сережи Львова погибает дедовский яблоневый сад (роман *Поле*).

¹¹ Л. Зуров, *Древний путь*, Франкфурт 1985, с. 98.

¹² Там же, с. 100.

¹³ Л. Зуров, *Поле...*, с. 124.

¹⁴ Л. Зуров, *Иван-да-марья*, Санкт-Петербург 2015, с. 265–266.

¹⁵ Л. Зуров, *Поле...*, с. 79.

Однако в изображении Зурова естественное умирание в природе лишено трагизма, оно является неотъемлемым элементом циклического движения жизни. О гибели яблони сказано:

И будет покоен ее конец. Зимой она не выживет, она спокойно заснет в торжественной тишине зимнего сада [...]. И не почувствует смерти ее давно пожелтевшая сердцевина, замерзнет слабый под погрубевшей корой сок, в земле уснут корни¹⁶.

Присущая Зурову вера в единство всего живого и в целесообразность бытия соответствовала крестьянским представлениям о мире. Писатель, проявлявший интерес к народной жизни, собиравший этнографические данные среди русского населения Прибалтики, умевший и любивший общаться с простыми людьми, безусловно, разделял взгляды на мир простых земледельцев¹⁷. Для него непреложной истиной было суждение, вложенное в уста одного из персонажей романа *Поле* — пасечника Емельяна:

У Бога все сделано. Нам Божьего дела не знать. Умрет все осенью, все побелело, а стала весна, распынулась, запушилась верба, полетела пчела добывать. Все Божие производство. Умрешь — слава Богу. У Него всего полно¹⁸.

В вечно обновляющемся природном круге жизни смерть не воспринимается как безысходность¹⁹.

Телеологичность в художественном мире Зурова обоснована двумя важнейшими идеями: идеей включенности человека в круг природного бытия и гуманистической идеей самооценности каждой человеческой жизни.

Утверждение, что человечность побеждает смерть, проходит через все творчество Зурова. В качестве репрезентативных примеров приведем два рассказа, относящихся к раннему (1920-е годы) и зрелому (1940–1960-е годы) периодам творчества писателя.

В рассказе *Этан в Нарве* изображается перевалочный пункт на пути белогвардейских частей, отступивших из-под Петрограда в Эстонию. Герой — студент Вова, работающий фельдшером в нарвском госпитале, где ежедневно от ран и болезней погибают солдаты. Мотив смерти пронизывает все произведение: тихо умирают „бессловесные мужики”, Вова наблюдает „медленный отход именуемого Ивановым”; заболевший студент „страшит-ся хрипов, стонов и шагов близкой смерти”; умирают спасшие Вову солдат Голиков и безымянный офицер Талабского полка. Некоторые эпизоды поистине ужасны: в запертой канцелярии „студент увидел на соломе несколько спящих солдат. Он тронул рукой крайнего. Съехала шинель, показав мертвый оскал. Студент, вскрикнув, выбежал на улицу”; „У церкви

¹⁶ Там же, с. 28.

¹⁷ См.: А. Громова, В. Захарова, *Жизнь и творчество...*, с. 35–60.

¹⁸ Л. Зуров, *Поле...*, с. 39.

¹⁹ Сходные выводы содержатся в статье: Б. Панеш, *Человек в эпоху исторической катастрофы (Роман Л. Зурова „Поле”)*, „Известия Южного Федерального Университета. Филологические науки” 2013, № 2, с. 8–14.

Успения, что на крепостном дворе, увидел серую кучу. Два солдата, взяв покойника за руки и ноги, раскачав бросали в пустой грузовик”. Один солдат говорит Вове: „Всех сносят. А бывает и живых. Бросишь, он и застонет. Давеча один босой ногой шевелил. Да все одно — не жилыцы...”²⁰.

В начале рассказа фоном повествования выступает безнадежность, ведь русских беженцев „окружают замкнутые дома, чужой равнодушный город и затученное серое небо”²¹. Но по мере развития сюжета в повествование входит гуманистическая мысль о сохранении человечности даже в самых безжалостных условиях: заболевшего тифом Вову на улице подбирают незнакомые солдаты, которые по-отечески заботятся о нем, солдат Голиков, даже умирая, беспокоится не о себе, а о студенте. Поручик Талабского полка, который навещал своих солдат и приносил им лекарства, забирает Вову к себе после смерти Голикова. Поручик изображен как обычный человек с „заурядным лицом”, студент даже не знает его имени, но помнит, „что каждое движение поручика было искренно — просто человек — человеку”. Этот поручик, как и священник в синей рясе, был „самым светлым и дорогим” на фоне беспросветного страха смерти.

Наряду с человеческим милосердием Вова обретает для себя божеский свет — уже после того, как он забыл слова молитв, ему заново открывают их священник, ходивший со Святыми Дарами по смертным домам: „Было в лице священника человеческое, но в глазах — от Бога. [...] Вове, точно в детстве, стало так светло, словно не было болящего тела и страха... И умирать стало не страшно”²².

Доброта окружающих людей и милосердие Бога спасают Вову от неминуемой гибели, которая, казалось, была предопределена. Несмотря на последующие испытания, слабость и одиночество, студент видит мир уже по-другому: „Но радостен был лед, небо и холодные стены. Они говорили о жизни”²³. Получив материнское письмо, он „не о том думал, что увидит мать, не о том, что были другие годы и жизнь, а дням опалившим душу искал оправдания. И понял, что лишь пронесенное сквозь вихрь смертей и оставшееся целым — правда”²⁴.

Рассказ *Дагмарский лес* относится к другому периоду творчества Зурова: в 1946 году писатель послал его в журнал „Новоселье”, но рассказ не был напечатан (опубликован в 2015 году по рукописи из английского архива). Данное произведение демонстрирует действие законов высшей справедливости в мире, охваченном войной.

²⁰ Л. Зуров, *Этап в Нарве*, „Слово” 1926, № 336. Цит. по вырезке из газеты: Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына, ф. 3 (Л. Ф. Зуров), ед. хр. 12, л. 4.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

Прообразом сюжета послужили военные события 1917 года, когда командование 5-й армии Северного фронта сдало немцам Якобштадтский плацдарм на левом берегу Западной Двины. Накануне атаки, во время длительного позиционного противостояния, немцы усыпили бдительность русских солдат братаньем, коварно проделали подкоп и взорвали Дагмарский лес, в котором находились укрепления русских²⁵.

В центре произведения — рассказ участника сражения, капитана, в тот день командовавшего батальоном. Несмотря на панику, которая охватила бежавших за реку солдат, скромный герой, напоминающий толстовского капитана Тушина, не теряет присутствия духа. Ему удалось организовать свой батальон, который пулеметным огнем прикрывал мост от врагов. Когда пришел приказ отходить, солдаты направились к переправе и увидели страшные последствия паники: „И, Господи, мы видели ужас! [...] на мосту все завалено, кровью залито... Смотришь — то голова застряла меж перекладин какого-то Вани, то ноги торчат, — скользко, мозг, тело и кровь по дороге”²⁶.

Капитан с гордостью рассказывает о доблести батальона, исполнившего свой воинский долг: „Тогда один говорит: ваше благородие, узнаете старых солдат верных... Луна взошла, Рождество Богородицы. Вот, думаю, вот когда опять семья-то единая [...] все опять хорошо, ладно, честно, по-братски”²⁷. В этом произведении подспудно присутствует мысль, что среди хаоса войны некая высшая сила хранит героев и вознаграждает их за честность, патриотизм и человечность.

В повести Зурова *Иван-да-марья* способом преодоления смерти становится любовь. В этом произведении, которое писалось с 1956 года и формально не было завершено (реконструировано по рукописям Ириной Белобровцевой и опубликовано только в 2005 году), рассказана история молодого офицера Ивана Косицкого и его жены Киры. Молодые люди обвенчались накануне Первой мировой войны и вскоре после свадьбы отправились на фронт. Иван был убит в бою, а его жена — сестра милосердия — застрелилась у гроба мужа. В основе этого сюжета лежат реальные факты, но повесть пронизана фольклорными, библейскими и житийными мотивами, которые вдвигают частную историю в контекст истории человечества и акцентируют вечное значение событий.

Так, ключевым эпизодом в повести является сон Ивана, в котором тот увидел себя плывущим на лодке с мертвецами. Архаичное представление о смерти как переправе через водную преграду, известное во многих мифо-

²⁵ Существование топонима *Дагмарский лес* не удалось подтвердить, как и факт подбрасывания немцами этого леса. Однако автор дает точные указания на время событий (сентябрь 1917 года) и их место (Якобштадтский укрепленный район).

²⁶ Л. Зуров, *Дагмарский лес*, [в:] „Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына” 2014–2015, отв. ред. Н. Ф. Гриценко, Москва 2015, с. 604.

²⁷ Там же, с. 605.

логиях мира, предсказывает скорую гибель героев. А финал произведения перекликается с житийной повестью о Петре и Февронии Муромских — истории любви, продолжавшейся за гробом²⁸. В древнерусской повести Ермолая-Эразма благочестивые князья Петр и Феврония Муромские скончались в один день и завещали похоронить их в одной гробнице. „Неразумные люди” несколько раз пытались разлучить умерших супругов (т. к. они стали иноками), но всякий раз их тела оказывались вместе²⁹. И в повести Зурова рассказчик сообщает, что Иван и Кира покоятся в одной могиле: „Два гроба рядом, засыпанные сырою землей. [...] они схоронены под одним холмом”³⁰.

Подведем итоги. Тема смерти является одной из центральных в прозе Зурова. Она связана преимущественно с изображением войн, свидетелем и участником которых был писатель. Зуров показывает трагизм войны, влекущей за собой гибель людей. Войны, революции и другие социальные катаклизмы, по мысли Зурова, нарушают естественный ход жизни и противостоят законам природного бытия. Для художественного выражения своих идей писатель прибегает к мифопоэтическим образам и мотивам (фольклорным, евангельским, эсхатологическим). Трагизм смерти приглушается, благодаря гуманизму писателя и его вере в высшую целесообразность бытия. Зуров изображает мир как упорядоченный Космос, гармоничное единство всего живого, частью которого является человек. Смерти противостоят высшие проявления человеческого духа: доброта, любовь, вера, чувство включенности в общий поток жизни.

Библиография

- Айхенвальд Ю., *Литературные заметки*, „Руль” 1928, № 2394.
 Белобровцева И., „Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти”, [в:] Л. Зуров, *Иван-да-марья*, Санкт-Петербург 2015.
 Громова А., *Житийный подтекст в повести Л. Ф. Зурова „Иван-да-марья”*, [в:] *Пушкинские чтения 2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст*, отв. ред. В. Н. Скворцов, Санкт-Петербург 2014.
 Громова А., Захарова В., *Жизнь и творчество Л. Ф. Зурова*, Москва 2012.
 Ермолай-Еразм, *Повесть о Петре и Февронии Муромских*, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 9, Санкт-Петербург 2000, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5116>.

²⁸ Подробнее см.: А. Громова, *Житийный подтекст в повести Л. Ф. Зурова „Иван-да-марья”*, [в:] *Пушкинские чтения 2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст*, ред. В. Н. Скворцов, Санкт-Петербург 2014, с. 50–56.

²⁹ Ермолай-Еразм, *Повесть о Петре и Февронии Муромских*, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 9, Санкт-Петербург 2000, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5116> [дата обращения 02.09.2017].

³⁰ Л. Зуров, *Иван-да-марья...*, с. 330.

- Зуров Л., *Дажмарский лес*, „Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына” 2014–2015, отв. ред. Н. Ф. Гриценко, Москва 2015.
- Зуров Л., *Древний путь*, Франкфурт 1985.
- Зуров Л., *Иван-да-марья*, Санкт-Петербург 2015.
- Зуров Л., *Поле*, Франкфурт 1983.
- Зуров Л., *Этап в Нарве*, „Слово” 1926, № 336.
- Ладыженский В., *Дети в революции (По поводу книги „Кадет” Л. Зурова)*, „Слово” 1929, № 1015.
- Любомудров А., *Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев*, Санкт-Петербург 2003.
- Панеш Б., *Человек в эпоху исторической катастрофы (Роман Л. Зурова „Поле”)*, „Известия Южного Федерального Университета. Филологические науки” 2013, № 2.
- Спроге Л., *Леонид Зуров. Повесть „Кадет”: вариант финала*, [http://www.esamizdat.it/rivista/2014-2015/pdf/sproge_eS_2014-2015_\(X\).pdf](http://www.esamizdat.it/rivista/2014-2015/pdf/sproge_eS_2014-2015_(X).pdf).
- Wegnerska B., *Лиризм в повести Л. Ф. Зурова „Кадет”*, „Polilog. Studia Neofilologiczne” 2015, № 5.
- Witeczak P., *Odchodząca Rosja w powieści „Dawna podróż” Leonida Zurowa*, „Acta Neophilologica” 2017, XIX (1).

The theme of death in the works of Leonid Zurov

Summary

The article deals with the theme of death in the works of the writer of young emigration Leonid Zurov (based on short stories and novels: *Cadet*, *Ancient Path*, *Field*, *Blue Cow-wheat*, *Stage in Narva*, *Dagmar Forest*). The presentation of this motif in the writer's work has a cross-sectional character. The theme of death is central in the works of Zurov. In his works he represents events from the times of the Russian Revolution, World War I and the civil war in Russia — shows the tragedy of armed conflicts, which entail the death of many people. Wars, revolutions and other social cataclysms, according to Zurov, break the natural course of life and contradict laws of natural being. In order to artistic expression of his ideas, the writer uses mythological images and motifs related to death (folklore, evangelical, eschatological writings). Tragedy in revealing the theme of death is removed due to the writer's artistic philosophy, in which the world appears as a harmonious and expedient unity of existence. The teleological nature of being in the artistic world of Zurov is based on two most important ideas: the idea of the inclusion of a person in the circle of natural existence and the humanistic idea of the self-worth of each human life.

Keywords: Leonid Zurov, Russian Literature Abroad, Young Emigration, death, war

Temat śmierci w twórczości Leonida Zurowa

Streszczenie

W artykule autorka analizuje temat śmierci w twórczości pisarza młodej emigracji rosyjskiej — Leonida Zurowa (na podstawie opowiadań i powieści: *Kadet*, *Dawna podróż*, *Pole*, *Iwan-da-marya*, *Poziom w Narwie*, *Dagmarski las*). Przedstawienie tego motywu w twórczości pisarza

ma w pracy charakter przekrojowy. Zurow opisuje w swoich dziełach wydarzenia z czasów rewolucji rosyjskiej, I wojny światowej oraz wojny domowej w Rosji — pokazuje tragedię konfliktów zbrojnych, pociągających za sobą śmierć wielu osób. Według pisarza wojny, rewolucje i inne kataklizmy społeczne naruszają bieg życia i są sprzeczne z prawami naturalnej egzystencji. W celu artystycznej ekspresji swoich idei pisarz ucieka się do mitologizacji obrazów i motywów związanych ze śmiercią (folklor, ewangelia, pisma eschatologiczne). Odsuwa tragedię na bok dzięki swojej filozofii, według której świat to harmonijna jedność wszystkich rzeczy. Zdaniem autorki opracowania teleologiczny charakter istnienia w literackim świecie Zurowa opiera się na dwóch najważniejszych ideach: idei włączenia człowieka do kręgu naturalnej egzystencji i humanistycznej idei godności każdego życia ludzkiego.

Słowa kluczowe: Leonid Zurow, literatura emigracji rosyjskiej, młoda emigracja, śmierć, wojna